

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ КОРПУС ДИАЛЕКТНЫХ ТЕКСТОВ КАК ОСНОВА ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ЖИТЕЛЯ РЕГИОНА

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда
(конкурс поддержки молодых ученых 2014 г.,
проект № 14-34-01263 «Мультимедийный корпус вологодских текстов “Жизненный круг”»)*

В статье рассматриваются проблемы изучения диалектной языковой личности в контексте ее изучения от индивидуального к коллективному через характеристику персональной вербально-семантической реализации местной речи. Основой проведенного анализа диалектной языковой личности стали материалы мультимедийного корпуса вологодских текстов, тематически относящиеся к бытовым монологическим высказываниям о семье, детстве, различных видах трудовой деятельности и пр.

Русская диалектология, вологодские говоры, электронный корпус, диалектная языковая личность.

The article deals with the problem of studying the phenomenon of dialectal language personality in the context of its individual-to-collective examination through the characteristics of personalized verbal and semantic implementation of local speech. The analysis of dialectal language personality is based on the materials of the multimedia electronic corpus of Vologda texts, which are thematically related to common monological statements about the speaker's family, childhood, various types of employment, etc.

Russian dialectology, Vologda dialects, electronic corpus, dialectal language personality.

Введение.

В современной русской диалектологии активно осуществляется создание мультимедийных баз данных, основу которых составляют записи диалектной речи, преимущественно монологического характера. В этом процессе отражается общая антропоцентрическая парадигма гуманитарного знания, которая реализуется в ходе изучения индивидуальной диалектной языковой личности, во-первых, как носителя того или иного говора, и, во-вторых, как носителя диалектной языковой картины мира. В концепции русской языковой личности Ю. Н. Караулова этим двум неразрывно связанным направлениям изучения речи диалектоносителя соответствуют вербально-семантический и лингвокогнитивный уровни [4], отражающие разные степени обобщения при анализе материала. Различные аспекты изучения индивидуальных особенностей речи диалектоносителей реализуются в работах, посвященных комплексному анализу языковой личности: это исследования В. П. Тимофеева [13], В. Д. Лютиковой [7], Е. В. Иванцовой [3], Е. В. Прокофьевой [9], В. И. Трубинского [15], Е. А. Нефедовой [8], Г. А. Толстой [14] и др.

Независимо от того, какой подход выбирается исследователем — от индивидуального к коллективному или от коллективного к индивидуальному, — для решения проблем, связанных с изучением диалектной языковой личности, требуется значительный корпус текстов, разнообразных в тематическом и жанрово-стилистическом отношении, ярко иллюстрирующих фонетико-интонационное, лексико-фразеологическое и грамматическое своеобразие речи информанта [3], а также показательных в сфере анализа его когнитивных и поведенческих особенностей, мировоззренческих и культурных предпосылок, социальных характеристик.

Как правило, электронные корпуса диалектных текстов появляются прежде всего в крупных центрах изучения диалектной речи — это Саратов, Томск, Пермь, Архангельск, Вологда и др. [6], [16] — и позволяют решить проблемы систематизации большого объема материала, упорядочивания его описания, хранения записей.

Наибольший интерес для исследователей представляют мультимедийные корпуса текстов, позволяющие получить доступ не только к расшифрованному тексту, в той или иной степени отражающему диалектные черты речи информанта, но и непосредственно к аудио- или видеозаписи этой речи, что позволяет расширить спектр исследовательских инструментов, обратиться к анализу коммуникативной, поведенческой составляющей и т. д.

Поскольку феномен диалектной языковой личности представляет собой сложное единство общерусских и собственно диалектных, общезыковых и индивидуальных черт [3], то исследование соотношения общенационального, территориально маркированного и индивидуального в речи информанта может быть ориентировано на составляющие языковой личности. В статье представлен опыт анализа вербально-семантического уровня языковой личности как описания инвентаря «формальных средств выражения определенных значений» [4]. Материалом для исследования являются записи звучащей речи Нины Дмитриевны Шиловской, 1938 г.р., уроженки д. Липово Никольского района Вологодской области.

Основная часть.

Концепция мультимедийного корпуса диалектных текстов «Жизненный круг» строится с учетом лингвокультурологического подхода к изучению речи диалектоносителей, что обнаруживается в струк-

туре электронной базы: корпус делится на тематические блоки, внутри которых представлены тексты различной жанрово-стилистической природы [1]. Поисковая функция осуществляется по ключевым словам и базовым характеристикам звучащих текстов: информант и его социокультурные характеристики (возраст, пол, образование и т. д.), некоторые параметры звучащей речи (место записи, отнесенность к тому или иному говору, тип текста (народно-бытовая речь), вид речи (монолог, полилог / диалог), тематика и др.). Записи диалектной речи представлены в электронном корпусе в расшифрованном виде и в виде мультимедийного приложения.

Для настоящего исследования использовались записи речи Нины Дмитриевны Шиловской, входящие в мультимедийный корпус диалектных текстов «Жизненный круг» и представляющие собой рассказы о детстве, о работе в колхозе, о различных событиях в личной жизни, например:

Дережня наша большая была, хорошая была, робота все хорошо. Как запомню с детства, дак всё одно: одна робота, робота. Маленькие ошо, отучимся только штё, и скорие уж навоз возить, да на лошадях, да боронить вот летом, да сено заскребать. Всё это пацаны вот эдакие делали. А я и всего-то кончала семь классов. Дак вот. Подумай-ко.

А отучилась семь-то классов, стали... Уж год отработала так-то, а тут стала телят маленьких набирать из-под матки. Набрала телят, двадцать один телёночек был. Сама всё поила, сама кормила, сама и гоняла. Все дни гоняешь, вечером напоишь, накормишь, в загородки розгонишь их и домой. Отдохнёшь, а утром ранёхонько опять надо всех напоить.

Ну и вот, три года и вот эдак и кормила скота всё, а ошо от деревни-ту у нас двор-от был за километр. Надо ходить утром и зимой вот эдак, и зимой бегать надо, вот и дороги занесёт и всё, а километр целый надо идти до двора было. И всё вот ходили эдак.

В речи Нины Дмитриевны Шиловской сочетаются общерусские и локальные явления [5], соотношение которых можно описать на фоне анализа сохранности говора на различных языковых ярусах.

На **фонетическом** уровне обращает на себя внимание устойчивое сочетание черт, свойственных восточным севернорусским говорам. В области ударного вокализма это типичные переходы гласных между мягкими согласными (*м[и]сяц, гон[е]ть*), в безударных слогах – полное оканье (*м[о]сква-то, п[о]шла*), предударное и заударное ёканье (*вёзите, трёпак, густоё, колодёц*), произношение перед мягким согласным гласного [и] в соответствии с фонемой [г] как под ударением, так и в предударном слоге (*ч[и]во, гл[и]ди-ко*). Консонантные локальные черты проявляются менее явно: это долгий твёрдый шипящий (*истопишыком, большушыше*), чередование [в] // [w] (*тра[в]а – тра[w]*) и др. Диалектные черты соседствуют с общерусскими: например, рядом с типичным для беглой речи стяжением (*гоорю* «говору», *баслови, Христос!*) обнаруживаются фонетические упрощения в заударной части слова, свойствен-

ные вологодским говорам (*пакось, забораниваэт*) [10].

Лексический уровень является весьма показательным для описания диалектной языковой личности: именно здесь сосредоточено наибольшее число локализмов. Большинство из них имеет севернорусский ареал распространения (*беседка, волос, жнилка, кролиха, вздумать, затюкаться*, др.), некоторые слова характерны только для вологодских говоров (*божатка, загородка, заложка, поперешка, уписаться, ссулиться*, др.). Среди употребляемых информантом диалектизмов подавляющее большинство составляют наименования человека (*божатка* ‘крестная мать’ [11, вып. 1, с. 35], *истопщик* ‘истопник’ [12, вып. 12, с. 260], *молодица* ‘новобрачная; женщина в первый год после свадьбы’ [11, вып. 4, с. 88], *свекровка* ‘свекровь’ [11, вып. 8, с. 102], *товарочка* ‘подружка’ [12, вып. 44, с. 163], *паре* ‘обращение к собеседнику’ [12, вып. 25, с. 219]) и животных (*козлуха* ‘коза’ [11, вып. 3, с. 77], *кролиха* ‘крольчиха’ [11, вып. 3, с. 126], *волос* ‘по суеверным представлениям, водяной червь, волосатик, который забирается под кожу людям и животным во время купания и причиняет болезнь’ [12, вып. 5, с. 57]), названия частей дома и домашней утвари (*загородка* ‘огороженное место для мелкого скота (овец, свиней) или домашней птицы в хлеву или во дворе’ [12, вып. 10, с. 23], *зыбка* ‘колыбель, люлька, которая подвешивается к потолку’ [11, вып. 2, с. 180], *мост* ‘сени’ [12, вып. 18, с. 287], *перед* ‘передняя часть крестьянского дома’ [12, вып. 26, с. 76]), сельскохозяйственных орудий (*жнилка* ‘жница’ [12, вып. 9, с. 209], *заложни* ‘участок пахотной земли, оставленный под покос или пастбище скота’ [12, вып. 10, с. 217]), элементов ландшафта (*угор* ‘возвышенное место, высокий холм’ [12, вып. 46, с. 241]), предметов одежды (*лопоть* ‘одежда, белье’ [11, вып. 4, с. 49]), объектов сферы крестьянской кухни (*простокваша* ‘закисшее молоко, простокваша’ [11, вып. 7, с. 96], *скорлуша* ‘твёрдая оболочка яйца, скорлупа’ [11, вып. 9, с. 28]) и др.

В речи Н. Д. Шиловской встречаются локализмы более позднего образования (*кадра* «лесопункт» [11, вып. 3, с. 30]), а также новообразования, возникшие в результате переосмысления слов сегодняшнего дня (*тисон* ‘кессон’, *зюдо* ‘дзюдо’, *инкубаторки* ‘цыплята, куры из инкубатора’). Характерной языковой особенностью Нины Дмитриевны является использование в речи лексических повторов с целью привлечения внимания к собеседнику: «*Давай, на колени возьму. Иди на колени*», «*Ай, Аня, Аня...*», «*Ане-то улыбнись, Ане-то...*», «*Иди, помешать, и ты помешаешь. Полижешь, хоть меньше. Помешают, потом нализжуца, и всё: «Мама, надоело, не будем!»*».

Диалектные особенности весьма ярко проявляются на **грамматическом** уровне речи нашего информанта. В сфере **словообразования** активно проявляется тенденция к образованию более «регулярных» в грамматическом отношении слов на базе местоимений (*ихний, ёйный*), существительных третьего склонения (*свекровка, matka, церква*). Отмечается варьирование основ наречий, образованных на базе древ-

них местоименных корней *къ- (ко, ку), *тъ- (то, ту), *сь- (се, сю), *вьс: куда/ы, туда/ы, сюда/ы и др. Используются существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «Господи, сколько народушку там!», «А она оболочечку ему высовваает».

В области **морфологии имен существительных** наблюдается унификация форм дательного и творительного падежей во мн.ч. (рукам, босым ножкам, с двум классам); активный переход существительных третьего склонения в первое (на лошаде, в пече); употребление устаревшей формы им. п. ж. р. мн.ч. местоимения он (оне), числ. один (одне) в отношении группы, включающей объекты лишь женского рода: «Потом уж пошли девочки: Манька да, Галинка да. Оне стали роботать да. Потом стали выходить замуж».

В сфере **морфологии глагола** заметно использование глагольных форм многократного действия (дом не живан в значении 'в доме давно никто не жил'); формы инфинитива на -чи (испечи) в сочетании с выравниванием основы при спряжении испекёт («Она не в пече пекёт, вот жарит на сковородке»); использование страдательно-безличного оборота с субъектом действия, выраженным сочетанием предлога у с именем в родительном падеже ед. ч. (у меня воды принесёно) и др.

В области **синтаксиса** обращает на себя внимание употребление предлога по с неодушевленными и одушевленными существительными в винительном падеже в конструкции с целевым значением (пошла по грибы), а также активное использование частиц: частицы и союза **дак** севернорусского ареала употребления («А где, не в Сочах-то дак?», «Там не жили, ретко, буди когда холодно, дак почувёшь ночь одну»), грамматически уподобляемых постпозитивных частиц: **-от** (комочков-от, рейс-от, это-от), **-то** (масло-то, себя-то), **-та** (Зоя-та, церква-та), **-ти** (кроссовки-ти), **-ту** (в дивеню-ту, свадьбу-ту) и др., а также локально не ограниченных частиц («Надо смётану, надо ее пихать в грилку да, пехать в печку да»). Характеризуя синтаксические особенности речи информанта, следует отметить, что здесь преобладают неполные или односоставные предложения («Дала ночлег», «На море походим», «Смешно как»), а частотным также является употребление предложений с однородными членами («А сходили договорились с Васькой-то, бежали с роботы да, переоделись будто в город пошли гулять», «Токо рано надо было вставить, двенадцать коров подоить, всех накормить, напоить, воды наносить им на всех, нагрить ошо котёл, вот»). Это в целом типично для синтаксиса устной речи, реализующей стремление к экономии словесных знаков в коммуникативной ситуации [2].

Выводы.

Таким образом, на фоне общерусских черт, собственных разговорной речи (фонетические стяжения, просторечные унификации немодельных образований по образцу регулярных склонений и спряжений, ситуативная неполнота синтаксических конструкций

и пр.), в речи Нины Дмитриевны Шиловской весьма устойчиво реализуются типичные черты восточных севернорусских говоров в области фонетики, лексики и грамматики. Это свидетельствует о том, что информант весьма органично существует в системе местного говора, активно используя локальную форму речи в своём бытовом общении.

Характеристика вербально-семантического уровня является исходным точкой комплексного анализа диалектной языковой личности и требует обращения к корпусу текстов диалектной речи. Мультимедийный характер электронного корпуса, возможность обращения к аудио- и видеоприложениям в сочетании с визуальным (текстовым) способом представления информации способствуют проведению более глубокого анализа, предлагают широкий выбор контекстов и иллюстраций. Лингвокультурологическая направленность базы данных, благодаря которой тексты распределяются по тематическим блокам, обуславливает дальнейшее направление исследования данной диалектной языковой личности на уровне когнитивных процессов.

Литература

1. Драчева, Ю. Н. Электронный корпус диалектных текстов как источник изучения региональной концептосферы / Ю. Н. Драчева, П. Н. Задумина // Славянская диалектная лексикография / отв. ред. О. Н. Крылова. – СПб., 2014. – С. 48–49.
2. Земская, Е. А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М., 1981
3. Иванцова, Е. В. Феномен диалектной языковой личности / Е. В. Иванцова. – Томск, 2002.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность: Монография / Ю. Н. Караулов. – М., 1987.
5. Карачева, Н. Н. Речевой портрет жителей северной деревни: сопоставительный анализ (на материале текстов о крестьянской кухне жительниц Кичменгско-Городецкого и Никольского районов Вологодской области) / Н. Н. Карачева, М. И. Черняева // Современная русская лексикология, лексикография и лингвгеография. – СПб., 2014. – С. 194–202.
6. Крючкова, О. Ю. Диалектологический корпус как источник лингвокультурологического изучения русских народных говоров / О. Ю. Крючкова // Славянский альманах. – 2010. – Т. 2009. – С. 67–84.
7. Лютикова, В. Д. Языковая личность: идиолект и диалект: дис. ... д-ра филол. наук / В. Д. Лютикова. – Екатеринбург, 2000.
8. Нефедова, Е. А. Экспрессивный словарь диалектной лексики / Е. А. Нефедова. – М., 2001.
9. Прокофьева, Е. В. Диалектная языковая личность на Алтае: дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Прокофьева. – Барнаул, 2012.
10. Русская диалектология: Учебник для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / под. ред. Л. Л. Касаткина. – М., 2005.
11. Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. – Вологда, 1983–2007.
12. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–47. – Л.; СПб., 1965–2014.
13. Тимофеев, В. П. Диалектный словарь личности / В. П. Тимофеев. – Шадринск, 1971.

14. Толстова, Г. А. Старообрядческая конфессиональная лексика в письменной речи Агафьи Лыковой: дис. ... канд. филол. наук / Г. А. Толстова. – Красноярск, 2007.

15. Трубинский, В. И. Русская диалектология: Говорит бабушка Марфа, а мы комментируем: Учеб. пособие / В. И. Трубинский. – СПб. ; М., 2004.

16. Юрина, Е. А. Томский диалектный корпус: в начале пути / Е. А. Юрина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2011. – № 2. – С. 58–63.

УДК 81'342

Ю. Н. Драчева, Е. Н. Ильина

Вологодский государственный университет

ТЕКСТ ПАРТВОРКА В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ ПОСТМОДЕРНИЗМА

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда
(конкурс поддержки молодых ученых 2014 года, проект № 14-34-01263
«Мультимедийный корпус вологодских текстов “Жизненный круг”»)*

Статья посвящена проблемам лингвистики текста, в частности, исследованию семиотической, композиционной, стилистической и прочих составляющих текстов периодических коллекционных изданий (партворков) в контексте философии постмодернизма. Обращается внимание на сюжетно-композиционную и жанрово-стилистическую эклектичность текстов, специфику их интертекстуальности, а также на зависимость функционирования данных текстов от особенностей дискурса массовой коммуникации.

Лингвистика СМИ, постмодернизм, партворк, прецедентный культурный знак.

The article deals with the problems of linguistics of the text, particularly studying the semiotic, compositional, stylistic and other components of texts of periodical collection editions (partworks) in the context of the philosophy of postmodernism. The special attention is drawn to the plot, composition, stylistics and genre eclecticism of these texts, the specifics of their intertextuality, as well as the dependence of their functioning on the peculiarities of the discourse of mass communication.

Linguistics of media, postmodernism, partwork, precedent cultural sign.

Введение.

В системе современной массовой коммуникации на рубеже XX и XXI вв. сформировался новый вид периодических изданий – *партворк* (от англ. *part-work* – *part* «часть» и *work* «работа»), или *журнал-коллекция*, т. е. «издание, выходящее в нескольких частях за определенный период времени» [18]. Партворки появились вслед за книжными сериями известных издательских домов «Де Агостини», «Ашет», «ДжИ Фаббри Эдишинз», «Маршалл Кавендиш», «Дель Прадо» и др. На российский медиарынок эти издания пришли в середине 2000-х гг., развивая традицию научно-популярного описания различных сфер человеческой жизни: *науки* («Древо познания», «Наука. Величайшие теории» и др.), *техники* («Боевые машины мира», «Легендарные самолеты» и др.), *искусства* («Музыкальные инструменты», «Художественная галерея» и др.) и пр. – в сочетании с популяризацией таких видов деятельности, как коллекционирование и игра [12]. Партворки активно обсуждаются в работах по теории и истории журналистики [10], [5], но практически не изучены в филологическом отношении [4], [6]. Вместе с тем они представляют очевидный интерес как один из видов креолизованных текстов, ярко воплощающих в себе идеологию постмодернизма: отказ от установки на преобразование мира и от стремления к его жест-

кой систематизации, зыбкость пространственно-временных и причинно-следственных связей, стирание границ между научным и обыденным сознанием, высоким и низким искусством, предпочтение конструирования творчеству, симулирования реальности – ее отображению [14, с. 220–224]. В нашей статье предлагается опыт анализа текстов одного из партворков – журнальной серии «Куклы в народных костюмах» [9] – с точки зрения реализации в них эстетических установок постмодернизма. Обращение к этому изданию не случайно. Во-первых, оно относится к числу наиболее успешных в коммерческом плане и наиболее состоятельных в текстовом отношении проектов издательского дома «Де Агостини» – наиболее известного в мире производителя партворков [8]. Во-вторых, данная журнальная серия представляет описание народной культуры этносов, населяющих Россию в различные периоды ее существования (Киевская Русь, Российская Империя, СССР, Российская Федерация), поэтому анализ текстов данной коллекции даст возможность исследовать особенности репрезентации образа народной культуры в современных СМИ.

Основная часть.

По мнению исследователей литературы постмодернизма [1], [7], [15] и др., ее отличает эстетика не-